Г. Н. МОИСЕЕВА

Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II

В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» начали по частям выходить «Записки касательно российской истории». Автор этого сочинения в журнале не обозначен, но было известно, что «российскими древностями» занимается императрица Екатерина II. В письмах к иностранным корреспондентам она охотно сообщала о своем увлечении.

В 1787 г. «Записки касательно российской истории» вышли отдельным изданием (в 6 частях), и почти одновременно императрица написала три драматических сочинения на сюжеты по древней русской истории: «Подражания Шакеспиру. Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил из жизни Рюрика» (СПб., 1786); «Начальное управление Олега. Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил» (СПб., 1787); «Игорь. Историческое представление без обыкновенных феатральных правил». Драма об Игоре была не закончена и датируется 1786 г. на основании сведений, сообщенных в дневнике А. В. Храповицкого.

Совершенно очевидно, что к драматургии на сюжеты из русской истории Екатерина II подошла в результате ознакомления с древнерусскими литературными и историческими памятниками, собранными в ее библиотеке. По подсчету В. С. Иконникова, у Екатерины II было около 150 летописцев.[1] В настоящее время в Эрмитажном собрании ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, являющемся остатком екатерининской библиотеки, их сохранилось немногим менее 50.[2]

Какие же памятники древнерусской литературы использовала Екатерина II для воссоздания событий IX в.? Как охарактеризовала она исторических деятелей этого времени? Что привлекало ее к изображению именно этого периода русской истории?

В предисловии к «Запискам касательно российской истории» Екатерина II намечает периодизацию исторического процесса, выделяя «пять эпох».

«Перьвая эпоха до великого князя Рюрика, или 862 года» — она разделяется ею на «три времени»: «Перьвое... от сотворения мира до потопа. Второе время то после потопа... Третье время то, о котором из-

[1] В. С. Иконников. Императрица Екатерина II как историк. — Русский архив, т. 7, М., 1911, стр. 307.

[2] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание составил Д. Н. Альшиц. М., 1968, стр. 5—36.

вестия до нас дошли, но в святом писании не находятся». Здесь «известия баснословные, но смешанные со истиною».[3]

Все три «исторических представления» Екатерины «из жизни» Рюрика, Олега и Игоря отображают, следовательно, по ее терминологии, «третье время» «первой эпохи». Екатерина, основываясь на «Новгородском летописце», сообщает в «Записках» о князе Славяне, который с братом Скифом переселился со своим племенем с Черного моря на Север. Потомком Славяна был князь Гостомысл, владевший славянами, русью и чудью. Воинственные варяги наложили «дань тяжкую» на эти племена, но Гостомысл «варяг изгнал и при море град во имя старшего своего сына Выбора построил, учинил мир с варягами, и бысть тишина в той земле». Далее Екатерина II характеризует Гостомысла: «Был муж храбрый, мудрый, соседами почитаемы... многие же князи от далеких стран приходили морем и землею послушати мудрости и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися повсюду.

Гостомысл имел четыре сына и три дочери. Сыновья померли прежде отца; бо́льшая дочь была за Изборским, от которой Ольга княгиня; средняя дочь его, Умила, была в замужестве за финским королем отродия варяжского; от сего супружества родился Рюрик с братиями.

Гостомысл оставил завещание своим подданным, чтоб по смерти его призван был владычествовать в Новгород внук его, сын средней дочери, — Рюрик, князь варяжский, со братиями Синеусом и Трувором».[4] «Новгородцы приняли Гостомыслов здравый совет... послы, пришед к варягам, говорили князьям между прочим сии достопамятные слова: „Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет; приидите владеть нами“.

Рюрик со братиями, услыша о несогласии, своеволии, прихоти и беспорядке новгородцев, с трудом согласились на просьбу их. Наконец, склонились на предложение послов. Князь Рюрик со братиею и своими домами собравшися, взяли с собою великое число своего народа, пришли из Варяг к рубежам (границам) русским в 861 году».[5]

Далее Екатерина II сообщает о правлении Рюрика, об отправлении варяжских князей в города Полоцк и Смоленск и «пасынка» Рюрика — Оскольда в Киев, о беспокойстве, начатом «от зависти новгородцев против варяг. Начальник оных был муж храбрый, именем Вадим, князь славянский... Но великий князь Рюрик вскоре усмирил те беспокойствия и начинщиков наказал».[6]

Эти известия, приведенные Екатериною II в «Записках касательно российской истории», являются основой сюжетообразования «исторического представления из жизни Рюрика». Следует при этом сказать, что в драматическом произведении появляются имена действующих лиц, которые только вскользь упоминаются в «Записках»: «посадники новгородские», возглавившие посольство к Рюрику, — Добрынин, Триян, Рулав, Людбрат, а также король финский, отец Рюрика, Синеуса и Трувора, Едвинда, княжна урманская, супруга Рюрика и др.

«Историческое представление из жизни Рюрика» открывается речью умирающего Гостомысла, обращенной к старейшинам «славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович»: «Я вижу между вами несогласие, всяк из вас по своей мысли и прихоти правит и судит... сами собою править

[3] Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 8. СПб., 1901, стр. 8—9.

[4] Там же, т. 8, стр. 11.

[5] Там же, стр. 24—25.

[6] Там же, стр. 26—27.

не можете: и для того по кончине моей надобно вам князя, которой бы над вами владел. Таковые три брата князи честного происхождения обретаются в варягах, кои разумом и храбростию славны; они внуки мои родные, дети средней дочери моей Умилы, супруги финского короля».[7]

Завязка «исторического представления» начинается сразу же после монолога Гостомысла. Вадим, сын его младшей дочери, поражен приказанием Гостомысла. Он рассуждает о том, что, будучи славянским князем, имеет также право на наследование престолом. Но Добрынин, новгородский посадник, сразу же высказывает свое политическое кредо, преследуя цель пресечь намерения Вадима: «Народы, приобыкши повиноваться государю, деду твоему, не поважены иметь тут прение, где следует исполнять его волю; кто из нас не умеет повиноваться, тот не способен другими повелевать».[8]

Мы не должны удивляться, встретив подобное же рассуждение в «Наказе» Екатерины II. Политические реминисценции можно встретить и в «историческом представлении из жизни Рюрика», и в драме об Олеге и Игоре.

Действие II «исторического представления из жизни Рюрика» происходит в «стране Варягорусс» — так Екатерина II обозначила королевство Людбрата, куда прибывает славянское посольство просить на княжение в Новгород Рюрика с братьями. Следует речь Трияна: «Милостивейший король Финляндский и Упландский! мы, избранные послы от славян, руссов, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, предстали пред тобою, быв посланы к вам во исполнение последней воли премудрого нашего князя Гостомысла; с ним род князей славянских пресекся... земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, придите владети нами, установите согласие, правосудие; избавьте великий Новгород от разорения».[9]

Людбрат обращается к Рюрику с вопросом, согласен ли он принять предложение славяно-русских послов. Тот отвечает: «Я привычен следовать и повиноваться воле моего родителя, оборонять Отечество, употреблять оружие для общей пользы».[10]

После длительных переговоров с послами (этому посвящено явление 4 действия III) Рюрик с братьями, шурином Олегом, пасынком Оскольдом, варяжскими князьями и войском отправляется в Старую Ладогу и здесь узнает о «беспокойствах в народе», возбуждаемых князем Вадимом. Рюрик посылает в Новгород Олега.

V действие открывается сообщением Олега о том, что в Новгороде, узнав о возможном прибытии варягов, «славяне оттого стали колебаться; Рагуил (посадник, — *Г. М.*), приметя то, посылал их уговаривать то ласкою, то угрозами, чтоб разошлись по домам в послушании по-прежнему; многие из них ушли из города, иные переловлены, в том числе сам князь Вадим».[11] Приводят пленного Вадима, и Рюрик прощает его «горячность», он бросает на землю меч и обращается с речью: «Но пусть Рюрик в сей день окажется, каков есть... и в винном вижу я лишь человека. Теперь судите сами, отдам ли я на осуждение брата моего двоюродного, князя Вадима. Бодрость духа его, предприимчивость, неустрашимость и прочия из того истекающие качества могут быть полезны государству вперед... Освободите его из-под стражи и пошлите о сем сказать в Новгород, куда я сам сей час поеду». Вадим, становясь на колени, восклицает: «О, госу-

[7] Там же, т. 2, СПб., 1901, стр. 221.
[8] Там же, стр. 224.
[9] Там же, стр. 233.
[10] Там же, стр. 237.
[11] Там же, стр. 247.

дарь! ты к победам рожден, ты милосердием врагов всех победиши, ты дерзость тем же обуздаешь... Я верный твой подданный вечно».[12]

«Начальному управлению Олега» предпослано «Предуведомление», в котором автор сообщает, что «в сем историческом представлении более есть исторической истины, нежели выдумки; ибо история повествует, что „при конце жизни великого князя Рюрика, когда был вельми болен и начал изнемогати, видев сына своего во младых летах, отдал княжение и сына своему шурину Олегу князю урманскому“».[13]

Ссылаясь на «Записки касательно российской истории» как на самый авторитетный источник, автор «Начального управления Олега» кратко сообщает содержание «исторического представления», в котором, «согласно с историею», Олег, победив греков и заключив с ними почетный мир, укрепляет на ипподроме в Царьграде «щит Игорев».

В «Начальном управлении Олега» рассказывается об основании Москвы, об устранении Олегом с киевского престола Оскольда (по просьбе киевлян). При этом сообщается, что Оскольда не убивают, как это известно из «Повести временных лет», а он сам уходит из Киева с уграми.

В действии III показана свадьба изборской княжны Прекрасы (будущей княгини Ольги) с Игорем. В «историческое представление» включены русские народные песни и обрядовые свадебные песни и причитания. При этом автора не смущает то обстоятельство, что описание свадебного обряда относится к XVII в., а в драме обрисовываются события 903 г.

В действие V включены отрывки из од Ломоносова, исполняемые хором, а также сцены из трагедии Еврипида «Альцеста», которые смотрит в Царьграде князь Олег вместе с греческим императором Леоном и его супругой Зоей.

Налет политических рекомендаций автора «исторических представлений» из жизни Рюрика и Олега не снимает вопроса, из какого источника почерпнула Екатерина II сведения о происхождении Гостомысла, Рюрика, Вадима, подробности о жизни Оскольда. В изданных к этому времени летописях Кенигсбергской (СПб., 1767) и Никоновской (СПб., 1768) этих известий не имеется.

Но если мы учтем, что в 1768 г. в «Истории российской» В. Н. Татищевым был издан отрывок из Иоакимовской летописи, то ответ на многие из поставленных вопросов будет найден. В первой редакции «Истории российской», как это видно из новейшего исследования и издания.[14] В. Н. Татищев опирался в основном на летопись Нестора. Во вторую редакцию он ввел отрывок из Иоакимовской летописи. И как раз эта вторая редакция «Истории российской» была издана Г. Ф. Миллером в 1768 г. Кроме печатного издания, в распоряжении Екатерины II были рукописи В. Н. Татищева.[15]

В Иоакимовской летописи сообщено, что «Гостомысл приа власть... град во имя старейшаго сына своего Выбора при мори построи, учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим, расправы ради и правосудиа... Многи же князи от далеких стран прихождаху морем и землею послушати мудрости, и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися всюду».[16]

---

12 Там же, стр. 250—251.

13 Там же, стр. 261.

14 См.: С Н Валк. О рукописях первой редакции второй части «Истории российской» В. Н. Татищева. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. IV. М.—Л., 1964, стр. 5—26.

15 Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. стр. 101—102.

16 В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 109—110.

Из Иоакимовской летописи Екатериной II почерпнуты сведения и о потомках Гостомысла: «... имел четыре сына и три дсчере. Сынове его сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им сына, а дочери выданы быша суседним князем в жены».[17] В этой летописи сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им старейшин «земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и драгович... и посла избраннейшия в варяги просити князя».[18]

Из Иоакимовской летописи попали и в «Записки касательно российской истории», и в «исторические представления» из жизни Рюрика и Олега имена матери Рюрика — королевы Умилы и его жены — Ефанды, дочери князя урманского, сведения о пасынке Оскольде и шурине Олеге.

В драматургических сочинениях Екатерины II смягчены характеристики князей: расправа с восставшими новгородцами и их предводителем Вадимом показана как мирное умиротворение «беспорядков». Вадим остается жить и едет в Киев с пасынком Рюрика Оскольдом. Оскольда также не убивают по приказу Олега (как сообщено в «Повести временных лет»), а устраняют с княжеского престола по наговору киевлян.

Тесная зависимость «исторического представления» из жизни Рюрика от летописи Иоакима, помещенной в «Истории российской», с полным основанием дала возможность историку И. Н. Болтину написать в примечаниях ко второму изданию этой драмы о том, что автор ее (И. Н. Болтин не упоминает имени Екатерины II) передает факты, которые запечатлены в древнерусских исторических сочинениях: «Соображал я читаемое мною с летописями и сочинениями, мне известными, и нашел, что основа сего сочинения не из выдумок или сплетений баснословных составлена, но из бытий истинных и верных, что лица, на сцену выводимые, не суть подставные, но особы действительно некогда существовавшие и по истории нашей известные».[19]

И. Н. Болтин признает право писателя на вымысел, сообразующийся с исторической достоверностью. В качестве удачного примера он приводит имена новгородских посадников в «историческом представлении» из жизни Рюрика: «Добрынин, Триан и Рулав — посадники новгородские... сих имян ни в Иоакиме, ни в Несторе нет, но ежели они и вымышленные, то выдуманы прилично, ибо по именам их судить можно, кто из них был Славянин и кто Русс».[20]

Право на вымысел в литературном произведении было узаконено еще в «Поэтике» Аристотеля, строго отделявшего его от исторического сочинения: «Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой — прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти».[21]

Этот теоретический вывод по существу оставался основным законом литературного творчества. Его разделяли и западноевропейские авторы

---

[17] Там же, стр. 110.

[18] Там же.

[19] Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями ген.-майора И. Болтина. СПб., 1792, стр. I.

[20] Там же, стр. IV.

[21] Аристотель. Поэтика. Перевод, введение и примечания Н. И. Новосадского. «Academia», Л., 1927, стр. 51.

поэтик, и их русские коллеги XVII в. В близкой к Аристотелю формулировке передает этот тезис Феофан Прокопович: «Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк: но историк излагает, как они были совершены, поэт же — как должны были совершиться».[22]

Ломоносов первый ввел в «Риторике» 1748 г. новое теоретическое понятие «смешанного вымысла». Характеризуя его отличие от «чистого вымысла», он писал: «Смешанные вымыслы, которые состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение».[23]

Екатерина II в драматургических сочинениях на сюжеты из древней русской истории следовала, как мы видим, теоретическим выводам Ломоносова, изложенным в его «Риторике» 1748 г. Может быть, об этой книге она напоминала своему секретарю А. В. Козицкому как раз в 1786 г., когда была закончена работа над «историческим представлением» из жизни Рюрика: «Возьмите с собой, что у меня на столе лежит: переводы с старинных авторов, также Ломоносова, русские песни и лексикон двухсотъязычный».[24]

По-видимому, с этим новым, отличным от ортодоксального, представлением о характере драматического произведения, в котором отображаются не только вымышленные, но и достоверные обстоятельства, и связан заголовок исторических драм Екатерины II: «Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил...» (разрядка наша, — *Г. М.*). Екатерина II опиралась на известия Иоакимовской летописи, сделанные достоянием науки В. Н. Татищевым — историком, труды которого она уважала, и ей представлялось, что она нарушает существовавшую устоявшуюся традицию, вводя в число действующих лиц театральной пьесы исторических лиц. Творческий опыт Шекспира, обрабатывавшего в своих трагедиях исторические сюжеты, почерпнутые из древних хроник, служил Екатерине II в известной степени образцом, и естественно поэтому, что обе свои пьесы «из жизни» исторических деятелей Рюрика и Олега она назвала «подражаниями Шакеспиру».

Обращаясь к «баснословным» временам русской истории, Екатерина II была более свободна в комбинации разнородных материалов для придания хотя бы минимальной сценичности «историческому представлению», «вытянутому» по плоскости хронологической последовательности исторических событий, взаимосвязь которых в силу краткости летописных сообщений остается неясной. Это отсутствие прочного фундамента фактов в описании событий IX в. ясно ощущается в «Записках касательно российской истории». В театральном представлении эти «лакуны» должны были заполняться посредством различных сценических эффектов, живописных декораций, ярких и роскошных княжеских костюмов, хоров, музыки. Очевидно, что если бы Екатерина II решилась написать «историческое представление» о событиях, более близких к XVIII в., о которых известно значительно больше исторических фактов, она должна была бы искать новые формы сценической разработки исторического сюжета. В этом отношении у русской литературы XVIII в. был накоплен некоторый опыт: трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» была основана на тщательном изучении

---

[22] Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 346.

[23] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 222—223.

[24] Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II к А. В. Храповицкому. 1783—1793. — Русский архив, т. XI, М., 1872, стлб. 2067.

памятников куликовского цикла; через изучение литературных произведений Смутного времени подошел Сумароков к воспроизведению образа Расстриги в трагедии 1774 г. «Димитрий Самозванец».

Исследование исторических сочинений Екатерины II, таких как «Житие великого князя Александра Ярославича без чудес», «Записки касательно российской истории», относящиеся к описанию событий, предшествующих Куликовской битве 1380 г. («Записки» заканчиваются этим годом), показывает ее как историка, тщательно собирающего факты. Сопоставление подготовительных материалов, источников и окончательной редакции «Записок», анализ системы примечаний и комментирования исторического текста позволяют подойти к решению вопроса, на своевременность постановки которого указал С. Л. Пештич, — «о взаимовлиянии исторических знаний на литературу и литературы на исторические знания» в России XVIII в.[25]

[25] С. Л. Пештич. Русская литература XVIII века, ч. II. Л., 1965, стр. 45.